

● ● ●
Ни цвета, ни линии—только штрихи:
Огузок лопаты, похожий на стремя
(В свободное время он пишет стихи,
Когда подступает свободное время)

Под самое горло кирпичной водой,
Листки расписаний несёт наводнение
До чёрных решёток, трубящих отбой
Попавшим под ливень, как хлеб под варенье).

Невесты бледней соляного столпа,
Влюблённые вдовы желты от запора—
Ему разрешается только копать
От локтя к плечу, от беды до забора.

Молись, богохульствуй, реви, петушись,
Здесь кротких удел—торопить бестолковых
Наследовать землю как новую жизнь
На двух штыковых и четвёрке совковых.

Après nous

Там лампочки жёлтые едки,
в подреберье лестничной клетки
ступени блестят, как ножи
длиною со школьную жизнь,
и стыд прикрывают картинно
две двери куском дерматина,
в убранстве советском просты,
в две комнаты—в две пустоты.

Там зимние рамы запойно
темнеют на летних обоях,
под вербной веткой, как встарь,
цепляется там календарь
за дни—отрывные скрижали
с рецептами и чертежами,
зевает, как память назад,
с кухонной стены циферблат

(в зубчатых кругах готовален
на девять минут отставали
часы в девяностом году).

... Там время, заснув на ходу,
качается детской площадкой,
и, чуть обознавшись, украдкой
субботу целует в уста
седьмая неделя поста.

● ● ●
Садики под насыпями зыбки.
Все стихи на свете прочитай,
Знаешь, что в конце любой посылки
Либо сердце, либо главпочтамт.

Кустиков невнятные породы,
Жаворонка тощее гнездо—
Кладбища милее огородов
Кажутся с электропоездов.

Протрубит в лицо зелёный встречный
красноносый дачным Сирано,
только в мае помнишь: жизнь не вечна,
только в мае это всё равно.

Офелия

Эхо, словно лай
простывшей сирены.
Ветку обломай,
стряхни хоть сирени
спелой мне на грудь—
пока подневольна,
сделай что-нибудь
мне—сделай мне больно!

Ящеркой глухой
в колени, где сухо,
спрячусь ли щекой,—
в послушное ухо
лей мне свой свинец,
пока не остыла,
сделай, наконец,
не больно, так стыдно!

Мох и перегной
в крахмале колета—
если за спиной
ни крыльев, ни клетки,
с белой пустоты
просохших простынок
сделай мне не сты-
дно, сделай мне сына!

Выпусти, вина,
жар-птицею в омут—
выведи меня
на чистую воду!

● ● ●
Приславив ночь к спине календарю
в библиотеке сказочной и пыльной,
я все картинки поблагодарю,
все эти книжки, небыли и были —
за «лепо ли», за «мыслью по стволу»,
за вечное, чуть худо, — «где же кружка?»,
за для себя последнюю стрелу,
за то, что не сжигается лягушка,
за пареную репу за рекой,
и что медведь доверчивый и бурый,
за вечный левитановский покой,
где каждый одуванчик ищет бури,
за парусник в лазури и за дно,
за Горького, за мерю и Емелю,
за яблоко. И просто за одно
всего стихотворение в неделю.

● ● ●
Тот самый первый дачный мой сезам:
сквозь шифер протекают небеса,
и, поминутно прижимая к уху
будильник из подставленных кастрюль,
седьмое время памяти — июль —
нам по-соседски заливает кухню.

На тумбочке — железные рубли,
и карточные смотрят короли,
как на веранде стёкла запотели
от сырости московских простыней,
под окнами обои всё темней,
и под глазами резче светотени.

А бабушка твердит одно и то же:
«Кому он нужен, этот летний дощщь,
когда уже зима не за горами?» —
и капает водичка с потолка,
и свечка не теплее мотылька —
и разве что подольше догорает.

● ● ●
Далёкая, как дача под Москвой,
дырявая, как новенький скворечник,
жизнь складывалась шахматной доской
на парковой скамейке отсыревшей,

и чёрными, как бабушкин рояль,
слонами по её диагоналям,
два фланга оголяя по краям,
две женщины друг друга догоняли,

отбрасывали время на дуршлаг
и клетки продували сквозняками,
то жёлтый, то вишнёво-бурый лак
царапали — и не пересекались.

● ● ●
Затребуешь память,
а память приносит лубок:
два школьных звонка,
мандарины в метро в два прикуса,
где тесно смешались
дождинки, фотоны, любовь,
азот с кислородом,
созвучья, расцветки и вкусы,
повидло на хлебе
и приторный в горле люголь,
в больничном дворе
под Ротару танцующий шизик,
где, как голубей,
выпускает прилежная боль
из стареньких клеток
пернатые радости жизни.

● ● ●
Сочинять, так в полвторого,
Наблюдать, так с высоты:
Где кончаются коровы,
Начинаются хвосты.

Если водка — с кока-колой,
Если в землю, так в свою —
Где заканчивалась школа,
Дул стрекозами июнь,

В иван-чае у оврага
Что ни всадник, то трубач —
Там, где выдохнется брага,
Вспыхнет синеньким первач.

Если треснет, можно скотчем,
На шурупы и болты.
Там, где я сейчас закончусь,
Там начнёшься сразу ты.

● ● ●
Не смотрелось в телевизор,
Не сиделось на диване,
По ту сторону порога
Двери, хлопнувшей самой, —
Без ключей, зато с монеткой
Двухкопеечной в кармане
Покурить на клетку вышел
И звоню к себе домой:
«Дорогие папа-мама,
Не пеняйте на потери,
Сразу после разговора
Жизнь, как трубку, положу.
Я к вам ехал электричкой —
Не открылись обе двери,
Я к вам прыгал с парашютом —
Не раскрылся парашют».